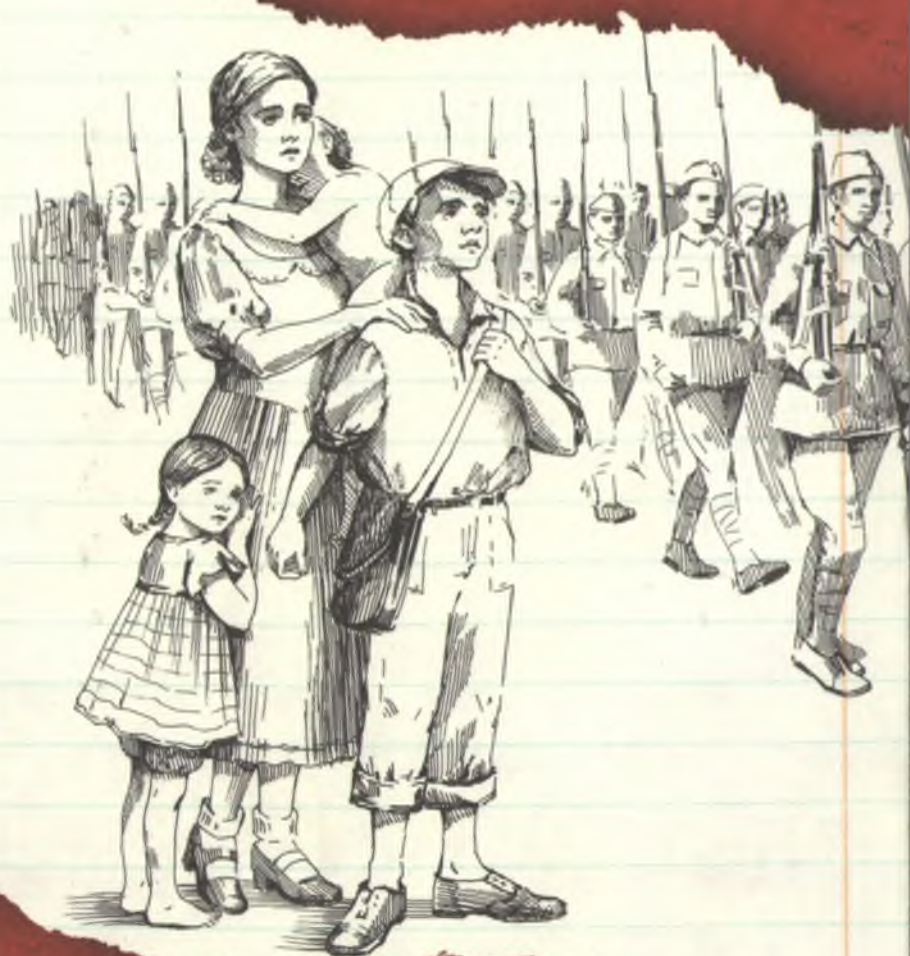

Феликс Азов

Далеко от войны

Umanedwa
Bhacmhuu -
Bhacmhuu -
Bhacmhuu -

General & Free -
Bhacmhuu -
Bhacmhuu -
Bhacmhuu -

Group of 9-10. 2019.

Феликс Азов

Далеко от войны

Повесть

РЕНБУРГСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
им. П. ДОЛГОВЦЕВА

2019

УДК Р2
ББК 84(2=411.2)6-4
А 35

*Автор благодарит за помощь в издании книги
старшего помощника руководителя следственного управления
Следственного комитета РФ по Оренбургской области А.В. Лыжкову,
генерального директора ООО «Оренбург-РемСтрой» А.И. Кузнецова,
генерального директора ООО «Сладковско-Заречное» А.В. Барышникову,
а также депутатов Законодательного Собрания Оренбургской области
А.С. Трубишкова, А.А. Куликовского, Е.К. Акулова, О.З. Ващинова,
В.В. Тишина, А.В. Шавцова*

Художник Татьяна Ангонова

Азов, Ф.М.

А 35 Далеко от войны. Повесть / Ф.М. Азов. – Оренбург:
ООО «Оренбургское книжное издательство имени
Г.П. Донковцева», 2019. – 240 с.: ил.

ISBN 978-5-88788-260-4

Великая Отечественная война застала семью Феликса Азова в родном городе Гомеле Белорусской ССР. Отец ушел на фронт, мать с тремя детьми почти три года была в эвакуации в небольшом узбекском кишлаке.

От лица старшего брата Бориса в книге рассказывается о том, как справлялись с трудностями военного времени в тылу, о переживаниях и заботах детей и подростков, которым пришлось вступить в борьбу с врагом наравне со взрослыми.

Повесть будет интересна в первую очередь юным читателям.

ISBN 978-5-88788-260-4

УДК Р2

ББК 84(2=411.2)6-4

© Ф.М. Азов, текст, 2019

© Т.А. Ангонова, рисунки, 2019

© В.А. Писольнов, послесловие, 2019

© ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2019

*Матери моей
Азовой Зинаиде Борисовне
посвящается*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Эта повесть составлена частично по страницам дневников, написанных моим старшим братом – Борисом, а также на основании воспоминаний участников событий в грозные годы Великой Отечественной войны.

Для ощущения реальности происходящего я оставил повествование от первого лица, как это написано в дневниках.

Нужно заметить, что большинство участников этой повести я знал в лицо, не понаслышке, особенно тех, с кем общался в годы войны и после ее окончания.

Когда началась война, моему брату Борису было одиннадцать лет, сестре Тамаре – пять, а мне шел третий год.

В повести опущены события, не вызывающие исторического интереса.

Мне показалось важным остановиться на трудностях эвакуации и оккупации, на героизме наших отцов и матерей на фронтах и в тылу, на тех действиях немецкого фашизма,

которые и сегодня (хочется надеяться, что это будет всегда) вызывают возмущение всего цивилизованного человечества.

Дорогой читатель! Каждый год отделяет нас от этих событий. В будущем году вся страна будет праздновать 75-летие Великой Победы.

Смею надеяться, что эта небольшая повесть сможет приоткрыть несколько страниц того тяжелого, незабываемого времени и поможет молодому поколению нашей Родины ощутить те ужасы, которые испытали наши отцы и деды, и мы, дети войны.

*С уважением,
автор*

ЖАРКОЕ ЛЕТО СОРОК ПЕРВОГО

Шел четвертый день войны.

Отец рано утром умчался в военкомат, а теперь стоял перед нами подтянутый, коротко подстриженный, без своего вздыбленного чуба, в красноармейской форме, в черных ботинках, в серых обмотках до колен и вещмешком за плечами. Мне почему-то показалось, что даже взгляд уже не тот, домашний и отзывчивый, а какой-то отвлеченный, сосредоточенный.

Тетя Шура осталась дома с сестренкой и братишкой, а я с мамой провожал отца на вокзал, к пункту сбора.

– Зина, ты только не плачь, – по дороге просил отец.

– А я не плачу, они сами льются. Ничего не могу поделать, – оправдывалась мама, прикладывая к глазам мокрый от слез платок. – Никак не могу свыкнуться с тем, что наш дом разбомбили, а теперь и ты уходишь на войну...

– Ничего, вернусь, новый построим, а пока поживите у Шуры, она не против. – А ты знаешь, у нас командир роты Захаров Сергей, – продолжал папа.

– Это какой Захаров? – мама вопросительно посмотрела на отца.

– Учительницы Анны Максимовны муж. Помнишь, они приходили к нам на примерку весной, когда ты ее дочке шила платье на выпускной вечер.

– Конечно, помню. Они два раза приходили.

– Знаешь, он сам подошел ко мне после переклички, напомнил.

– Какой внимательный человек. Ты уж держись его, не подводи, – заметила мама.

Мы подошли к вокзалу. Было жарко и душно. Вся привокзальная площадь гудела, как пчелиный рой. Люди кричали, толкались, стараясь быть поближе к солдатам.

– Ну вот мы и пришли, – промолвил отец, – Давайте прощаться. Зина, береги себя и детей. Мама бросилась к нему. Они стояли, целовались и говорили друг другу что-то очень личное.

Потом отец оторвался, обнял меня, посмотрел в глаза:

– Теперь ты за меня остаешься дома, помни, сынок!

Он резко повернулся и направился к назначенному пункту сбора.

Около автомашины с оружием стояла длинная очередь красноармейцев. Рядом, за столом, сидел военный и что-то записывал в тетрадь. Солдаты подходили, называли свою фамилию, показывали воинскую книжку, ставили подпись и перемещались к машине, где им выдавали винтовки и патроны.

Мы с мамой смотрели, как приближается очередь, как отец получает оружие и становится в строй.

Рядом шумели, плакали и надрывались люди, стараясь протолкнуться вперед, не замечая, что наступают на ноги, и кричали горько и жалобно. Кто-то играл на гармошке, и высокий женский голос замвистом пел частушки, и после каждого куплета слышно было, как каблучки выпясыывают на асфальте.

Вдруг кто-то позвал:

– Зна!

Мама обернулась и увидела Захарову с дочкой.

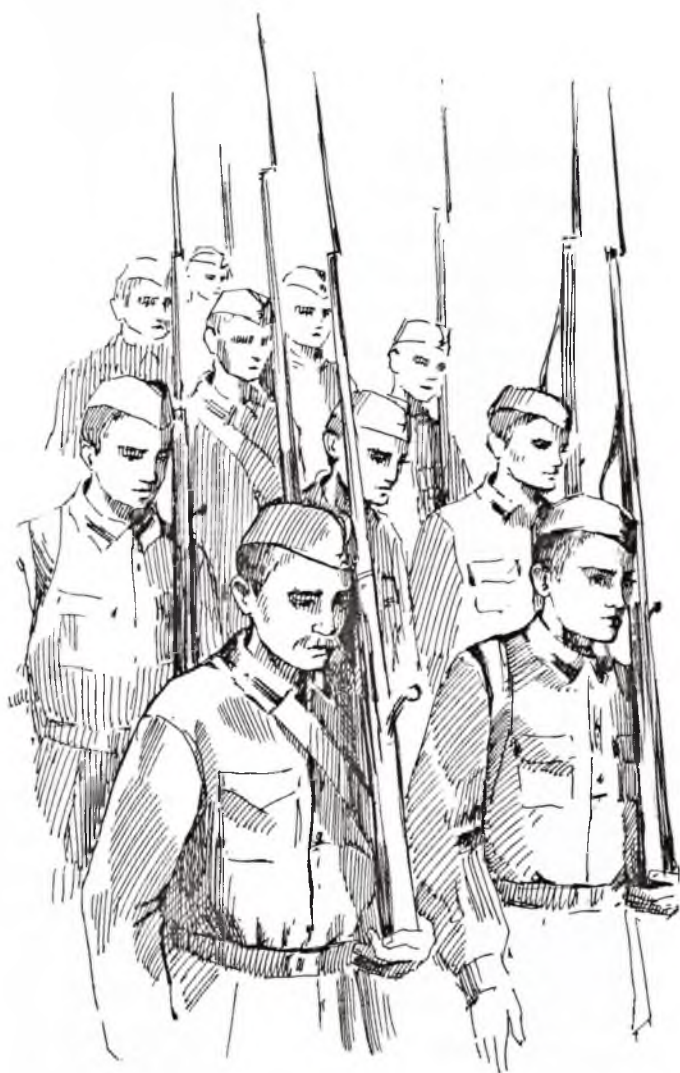
– Вы тоже провожаете? – спросила Захарова.

– Анна Максимовна, разве Сергей не говорил, что Марик будет служить в его роте? – вопросом на вопрос ответила мама.

– Он как ушел с утра, так я его и не видела, – продолжала Захарова.

– Мама, посмотри, вон папа! – вытянув вперед руку, закричала дочка.

Перед строем солдат показался высокий стройный командир с пистолетом на поясе. Вот он остановился, приставил руку к шилотке и подошел к другому командиру. Через некоторое время все смилось в общей массе солдат, и мы уже не могли различать, где стоит отец или Захаров.

Наконец прозвучала команда: «Марш!» – и колонна красноармейцев вразнобой двинулась по улицам города в сторону Речицкого шоссе. Толпа людей бросилась вслед. Солнце светило невыносимо жарко. Серая пыль от топота многочисленных ног поднималась и плотно ложилась на лица и одежду, смешиваясь с каплями пота, выступая мокрыми пятнами на спине. Мы старались не отставать, торопились и, наконец, нашли в шеренге отца и долго, долго шагали рядом с ним и другими провожающими. Домой мы вернулись поздно уставшие и голодные. По дороге я спросил:

– А почему они идут пешком?

– Ну где ж столько машин набрать? – ответила мама.

Теперь наша жизнь полностью изменилась.

Мама с утра до позднего вечера работала на швейной фабрике, где шили гимнастерки и штаны-галифе для солдат. Мы по-прежнему жили у тети Шуры. Тамара играла со своей куклой Машей, а мы с Феликсом лазили по развалинам нашего дома, стараясь что-нибудь разыскать из предметов той, довоенной, жизни.

– Боря, смотри, я нашел карандаш! – обрадованно кричал братишка, а я все время искал свой дневник, который начал вести с четвертого класса. Я все реже встречался со своими друзьями-одноклассниками Витькой и Сашкой.

Мы уже научились различать Юнкерсы от Мессеров. Теперь, после первой бомбежки, мы уже знали, что во время сигнала воздушной тревоги нужно срочно укрыться. Даже тетя Шура все бросала и спускалась к нам в погреб.

Мы сидели там и слушали, как лают зенитки, взрываются бомбы, стучат пулеметы. На нашей улице уже мало уцелевших домов, а в центре города, где многоэтажные здания, одни развалины.

– Где же наши самолеты? – недоумевает тетя Шура. – Где же наши соколы сталинские? – повторяет она всякий раз.

Немецкие самолеты прилетают каждый день, как по расписанию, отбомбятся, а потом хлещут из пулеметов почем зря. Правда наши зенитки и пулеметы им покоя не дают. Вчера мы с Витькой и Сашкой бегали за переезд смотреть на подбитый Юнкерс. Народу собралось тьма. Каждый хотел руками потрогать вражеский самолет.

В середине июля враг приблизился к Гомелю.

– Уже взяли Витебск и Могилев, – первой сообщила тетя Шура и добавила: – Немцы подошли к Смоленску.

Мама приходила с работы и говорила:

– На заводе Кирова разобрали все станки и отправили на Урал, завтра отправляют рабочих с семьями.

На следующий день тетя Шура передавала:
– Начали эвакуацию Гомсельмаша. Грузят оборудование и эшелонами отправляют людей.

Мама заволновалась:

– Надо уезжать.

Она спила нам вещмешки, даже Феликсу и Тамаре, и на всех написала чернильным карандашом имя и фамилию.

– Чтоб не потерялись, – заметила мама.

– А ты почему не собираешься? – обратилась она к тете Шура.

– Нет, Зина, я не поеду, – ответила тетя Шура. – Я одна, кому я нужна? Да и дом на кого я брошу? Нет, я не поеду, а вам уже пора, немец рядом.

Несколько раз мы пробовали пробиться, чтобы влезть в какой-нибудь вагон, да куда там, бесполезно, мы не могли устоять против натиска толпы. Мама вся извелась, не знала, что делать.

А слухи доносились все хуже.

– Вчера захватили Жлобин, – вечером сообщила тетя Шура.

Через пару дней она тревожно заявила:

– Немцы подошли к Речице.

– Наши уничтожили немецкий десант под Ново-Белицей.

– Все пути отрезаны, уехать можно только через Брянск, – вечером уныло заметила тетя Шура.

А двенадцатого августа, рано утром, когда мы еще спали, ворвался отец, загорелый, пыльный, почерневший и громко произнес:

– Собирайтесь, едем!

Мы вскочили, захватили свои котомки и выскочили из дома. Рядом на улице стояла полуторка.

– В машину! – скомандовал отец. Пока мы ехали к вокзалу, он рассказал, что командир роты Захаров отправил его в город за боеприпасами и разрешил заскочить проверить, где семья.

Не знаю, как ему удалось вместе с водителем полуторки пробиться и впихнуть нас в первый вагон эшелона, который шел на восток.

Я только помню, как меня затолкали в окно и на руках передавали Тамару и Феликса, а потом в тамбур затолкали маму, и она долго кричала нам оттуда: «Дети, я здесь!» – пока не смогла протиснуться сквозь битком набитый вагон.

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК

– Пить хочу! Хочу пить! – жалобно хнычет маленький братик и протягивает ручонки к матери. Рядом сидит младшая сестренка, смотрит на маму и тоже просит пить. Со всех сторон вагона доносится детский плач и осипшие голоса:

– Пить! Пить!

В горле першит, губы пересохли, потрескались, язык, как наждачная бумага, стоит колом во рту.

– Боря, – говорит мама, – попроси, может, кто-нибудь даст немного воды.

Я молча беру кружку. Воды нет ни у кого уже второй день, но я снова обхожу всех взрослых и детей.

В теплушке небывалая жара. Крыша раскалилась, к деревянным стенкам не прислониться. Мальчишки в одних трусах, а девчонки и взрослые оголяются, как могут. Все смотрят на мою кружку, на меня и молча отрицательно качают головой. Я возвращаюсь и развожу руками:

– Нету.

Соседка справа, тетя Вера, говорит маме:

– Зина, вытри пот платочком и приложи деткам к губам.

На какое-то время жалобные стоны сестренки и братишки становятся тише.

У распахнутых дверей вагона, перегороженных обломком штакетника, чтобы никто не выпал на ходу поезда, сидит старый дед Степан. За долгое время в пути мы многих попутчиков знали по именам.

– Точь-в-точь как в гражданскую, – произносит дед.

Я подхожу поближе.

– В таких местах мы за басмачами гонялись.

Я устраиваюсь рядом, но он молчит и далеким, усталым взглядом провожает ползущую навстречу голую степь с песчаными холмами. Наш эшелон тащится еле-еле. В паровозе уже давно закончился уголь. Теперь на полустанках взрослые выстраиваются в цепь и помогают машинистам загрузить дрова в паровозный бункер. Уже второй день нет ни одного поселка. Слышу, как бормочет дед:

– Кызыл-кум.

Спрашиваю:

– Что это?

– Видишь бурые холмы – барханы? Это пустыня так называется, красные пески по-русски.

Дед снова замолкает и задумчиво смотрит куда-то в даль, за горизонт. Ему, наверно, тоже трудно разговаривать. В прошлый раз, когда на станции эшелон три дня стоял на запасном пути, он долго рассказывал про гражданскую

войну, про Фрунзе, про Туркестан, про войну с басмачами.

Раскаленный воздух врывается в открытый вагон и с каждым порывом уносит последние силы, высушивая из тела желанную влагу. Все замерли, только дети иногда всхлипывают и просят пить. Плохо, что у нас последний вагон. На полустанках, где есть вода, в первую очередь заправляют паровоз. В это время выстраивается огромная шеренга беженцев с ведрами, чайниками и кастрюлями. Мама остается в вагоне с малышами, а я хватаю чайник и что есть силы бегу в сторону паровоза, но также, как и другие из нашего вагона, оказываюсь в хвосте. Не успеваю подойти очередь, как раздаются три свистка и надо успеть заскочить в вагон. Правда в последний раз я набрал полный чайник воды, но многие соседи не успели, и мама поделилась с ними. За долгое время в пути люди стали ближе друг к другу. Всех объединила эта страшная война, общее горе, этот поезд, этот вагон...

Поезд остановился.

– Конечная, – произнес чей-то голос. – Поезд дальше не пойдет.

Все стали собираться.

– Наконец-то мы приехали, – сказала мама и взяла два узла, я надел на плечи вещмешок, взял чайник, который мы взяли из дома, Тамара схватила свою куклу, а Феликс уцепил-

ся за маму, и мы вместе вышли из вагона. Я с чайником побежал вперед к водокачке. Когда я вернулся, малыши с мамой долго пили. Что может быть слаще воды, когда ты умираешь от жажды? Потом мама смочила платочки, и мы вытерли лица и руки.

На полустанке было много народу: приезжие – мужчины, старики, женщины и дети, и встречающие – женщины в ярких узбекских платьях и шароварах, с платками на голове, мужчины в полосатых халатах и тюбетейках. Рядом стояли повозки, лошади, ослики и верблюды. Мама обратилась к пожилому узбеку. После непродолжительной беседы он перевязал веревкой наши пожитки, перекинул их через спинку ослика, сверху посадил братишку, а сзади Тамару с куклой, и мы двинулись в путь.

Был конец сентября, солнышко грело по-летнему жарко. Ослик медленно шел по пыльной дороге. Малыши напряженно держались за ослиную гриву, а мама и возница поддерживали их с двух сторон и о чем-то говорили. Отвечая на мамины вопросы, провожатый всегда заканчивал присказкой – «Хоп!». Вдоль дороги тянулись какие-то поля и стояли большие белые стога.

– Хлопок, – сказал узбек и произнес свое: – Хоп!

Я шел сзади, смотрел по сторонам и думал: «Ну вот и закончилось наше длинное, вынуж-

денное путешествие – эвакуация, как говорят взрослые. Почти полтора месяца мы ехали сюда, в Узбекистан, из далекого города Гомеля, подальше от бомбежек, подальше от войны...».

Перед глазами снова возник первый налет немецких самолетов на город. Оглушающий вой сирен слился с воем падающих бомб. Отец и мать были на работе. Я вспомнил слова отца: «При бомбежке сразу прятаться в погребе».

Я схватил братишку, закричал сестре:

– Быстро во двор!

Тамара прихватила куклу, мы выскочили и спрятались в погребе, который прошлым летом во дворе вырыл отец. Он был глубокий, перекрыт двойным накатом бревен, а сверху большой холм земли, на котором уже зелене-ла трава. Было темно и сыро. Мы сидели внизу, прижавшись друг к другу.

Вдруг сверху как громыхнет, даже в погребе задрожала земля. Когда через некоторое время я выглянул, на месте нашего дома были развалины и горели доски от крыши. У соседского дома взрывом выбило все стекла. Рядом стояла тетя Шура, трясла кулаками и кричала в небо:

– Фашист проклятый!

Я громко крикнул малышам:

– Сидите тихо! – а сам приблизился к развалинам дома. Подошла тетя Шура и стала причитать:

– Где-ж вы будете жить, сиротинушки?

Вечером, после работы, пришла мама, обняла всех нас, вся в слезах, а меня похвалила:

– Молодец! – и погладила по голове. Потом полезла в руины, долго что-то искала в подполе и нашла шкатулку с документами. Поздно вечером прибежал отец, уже было темно, ничего не увидеть, не разобрать. Ночевали мы на полу в доме тети Шуры. На следующий день отец привез стекло и фанеру. Теперь у тети Шуры два окна получились со стеклом, два – закрыты фанерой.

А через два дня мы провожали отца на фронт. Потом я вспомнил, как бомбили наш поезд, как из шестнадцати вагонов осталось десять, как погибали под бомбами и пулями женщины, старики, дети... И как мы долго ехали, долго стояли и снова ехали далеко, далеко...

Солнце пригревало наши головы, пот скатывался с лица, смешиваясь с пылью, удушливой и горячей, пробирался по шее и спине и выступал на рубашке темными пятнами. Мы остановились. Снова стали пить и обтирать лицо влажными платками, а потом завязали узелки на уголках, получилось подобие тубетеек, и мы дальше двинулись в путь.

Наконец показался какой-то поселок. Все дома глинобитные, невысокие, с плоскими крышами, поросшими выгоревшей травой, с маленькими окошками и глинобитными

заборами. Возница остановился около какого-то дома, постучал в окно. Вышла хозяйка и долго разговаривала с мамой. Потом провожающий опустил на землю сестренку и братишку, отвязал наши пожитки, и мы зашли во двор. Там стояла полуподвальная постройка с одним небольшим окошком. Хозяйка раньше держала здесь овец. Мама почистила помещение, подмела, положила на пол камышовую подстилку и сказала:

– Вот здесь, дети, мы будем спать.

Потом выпросила у хозяйки лепешку и поделила между нами.

Утром мы проснулись рано от холода. Оказывается, по ночам, особенно под утро, в это время года дует холодный ветер с гор. Мы оставили сестру и брата в новом жилище и отправились с мамой устраивать меня в школу. По дороге мама переживала, что я пропустил почти целый месяц. Но все оказалось проще. Школьники были заняты на уборке хлопка, и начало занятий назначено на первое октября. Директор школы сказала, что я пока могу отдыхать и не ходить на уборку хлопка. Мы вернулись домой, а мама опять ушла, теперь устраиваться на работу. Через некоторое время появилась радостная – на работе ей дали три килограмма муки, работать будет в швейном цехе – шить гимнастерки и телогрейки для солдат. Она взяла муку и отправилась

к хозяйке. Я стал рассказывать сестре и брату про школу, что меня записали в пятый «А» класс, что учеба начнется через четыре дня, что школа маленькая, что мне выдали три тетради: одна в клеточку, одна в линейку и одна для рисования...

Но тут открылась дверь, и в комнату вошел худощавый мальчишка, лет двенадцати, в тюбетейке, и спросил:

– Это вы вчера приехали?

– Мы, – ответил я.

– Как тебя называть? – спросил мальчишка.

– Надо говорить, как тебя зовут? – поправила сестра.

– Я с девчонками не говорю, – сразу ответил мальчишка.

– Она всех поправляет, как надо говорить, – сказал я и протянул руку.

– Меня зовут Борис, а это моя сестра Тамара и брат Феликс.

– У меня тоже есть брат, только он большой, он на войне, у него ружье, а зовут меня Мусук.

– У нас отец тоже на войне, – сказал я.

– А вы прямо с войны приехали? – спросил Мусук.

– Нас бомбили, разбили дом и школу, и много домов сторело, – начал я рассказывать, но в это время вернулась мама.

– Мама, познакомься – это Мусук.

– Здравствуй, Мусук, – сказала мама и, обращаясь ко мне, заметила: – Нужно найти хворост, тогда хозяйка испечет нам лепешки.

– Я знаю, где можно набрать хворост, – сказал Мусук, – мы с Борисом пойдем и принесем, у меня есть топор и веревки.

– Вот хороший мальчик, – улыбнулась мама.

– Мой мама говорит, я уже не мальчик – мужчина, первый помощник, – ответил Мусук.

– Вот и Борис у меня тоже первый помощник, – кивнула мама.

– Ну, мы пошли, – проговорил Мусук.

Дома он взял топор, веревки, и мы отправились в сторону гор. По дороге Мусук рассказывал про поселок, про школу. Оказалось, что он тоже перешел в пятый класс, и мы договорились, что сидеть будем за одной партой. Наконец мы подошли к зарослям кустарника.

– Это саксаул, – заметил Мусук.

Мы нарубили две вязанки сухостоя, связали и поволокли домой.

В этот вечер мы ужинали свежими лепешками и запивали горячим чаем. А мама улыбалась и повторяла:

– Мой первый помощник, – и гладила меня по голове.

А потом зажгла свечку и села писать письмо отцу на фронт.

ДАЛЕКО ОТ ДОМА

Уже третий месяц, как мы живем в этом поселке – кишлаке по-узбекски. Каждый день после уроков я захожу на почту и спрашиваю:

– Нет ли писем от отца? – а в ответ одна и та же фраза: «Нету, ждите!»

Пять месяцев прошло с тех пор, как отец ушел на фронт, и ни одного письма. Мама каждую неделю пишет отцу, на нее жалко смотреть, так она измучалась и похудела в ожидании какой-нибудь весточки. А я стараюсь лишней раз не говорить на эту тему. Не хочется даже думать о плохом, но когда прихожу на почту и вижу, как люди падают от слова «похоронка», как почтальонка хватается кружку, брызгает водой и кричит: «Помогите!», как у нее самой трясутся руки, как она бледнеет, обнимая пострадавшую, как они сидят потом вдвоем и так горько плачут, что я не выдерживаю, выскакиваю на улицу, рукавом вытирая с лица незаметно появившиеся слезы и долго не могу прийти в себя.

А вчера, как только я заглянул в почтовое отделение, тетя Чулпан сразу достала из ящика долгожданный треугольник и сказала, как взрослому:

– Получите!

Домой я летел, как на крыльях, и только когда зашел во двор, задумался: «А можно ли его читать?».

На конверте папиным почерком написано: «Азовой Зинаиде Борисовне», то есть моей маме. Что она скажет, если я первый открою и прочитаю? Нет, надо дождаться прихода мамы.

Я спрятал письмо в карман и зашел в нашу хижину. Сестренка и братишка тихо сидели, прижавшись к печке.

– Ты где так долго был? – спросила Тамара. – Мы хотим кушать!

– Где, где – в школе, – ответил я. – Ты уже большая, тебе пять лет, должна понимать, что я хожу в школу.

– Мама целый день на работе, ты в школе, во двор не выйдешь – холодно, – затараторила сестра, а Феликс дергает за штаны и твердит: «Кушать хочу!».

Я зажег огонь в печурке, поставил чайник, разделил лепешку на троих, положил каждому по три штуки урюка, налил в пиалы горячий чай, и мы дружно пообедали.

Меня так и подмывает сказать, что пришло письмо. Как трудно бывает держать язык за зубами! Я достал из сумки «Сказки Пушкина», которые выпросил у учительницы по русскому языку, и начал читать:

– У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том и т. д. – Малыши прилегли на тюфяк,

слушали, слушали и уснули. Я прикрыл их одеялом и пошел к Мусуку.

Его сестра, Юлдуз, сказала, что он ушел на окраину расчищать главный арык, по которому подавалась вода в кишлак.

– Он сейчас один мужчина, – отец и брат на войне, – подчеркнула она.

На окраине кишлака люди, вооруженные лопатами, мотыгами и кирками, очищали дно и откосы арыка от песка и грязи.

– Борис, иди сюда, – первым увидел меня Мусук. Рядом с ним откидывал грязь Рустам, наш одноклассник, а за ним трудился его дед Махмед-усто (мастер по-узбекски). Я поздоровался со всеми и обратился к деду:

– Можно я вас подменю? – мне хотелось таким образом отблагодарить его за то, что он в нашей хижине соорудил небольшую печку, а когда мама спросила «Сколько стоит?», ответил: «С беженцев денег не беру».

На расчистке арыка мы работали до позднего вечера. Когда я вернулся, мама уже была дома.

– Что ты такой чумазый? – спросила мама. Я молча протянул треугольник и устало присел на табуретку. Мама всплеснула руками, развернула письмо и быстро пробежала глазами, потом заплакала и сказала:

– Жив ваш папка, жив! – она попросила: – Боря, почитай вслух!

Я стал читать: «Мои дорогие (прочерк). Вчера наш батальон вышел из окружения (прочерк). Получил сразу восемь писем и пишу ответ. Слава Богу, что вы устроились. Все эти долгие пять месяцев постоянно думал о вас. Из роты нас осталось (прочерк). Захаров в госпитале. Мы (длинный прочерк) скоро в бой. Нас перебрасывают (снова прочерк). Жив, здоров. Обнимаю, целую вас всех. Адрес полевой почты №...»

Мама плакала и повторяла:

– Жив, здоров! Главное – жив, здоров!

Я спросил:

– А почему так много зачеркнуто?

– Значит, так надо, сынок, – отвечала мама.

– А когда папка придет? – поинтересовалась сестра.

– Не скоро, доченька, он на войне.

– А когда война закончится? – не унималась Томка.

– Вот когда она закончится, тогда папка придет, – задумчиво произнесла мама, уложила братишку спать, а сама присела поближе к свечке и стала снова перечитывать письмо.

Утром, рано, в начале шестого, она ушла на работу. Уже третий месяц она шьет телогрейки для солдат с шести утра до шести вечера. Маме разрешили работать днем, потому что трое детей, из них двое дошкольного возраста. Вслед за ней я тороплюсь в магазин, чтобы по

карточкам получить хлеб и продукты. Отстою очередь и сразу домой, накормлю сестренку и братишку и бегом в школу. Рассказал ребятам в классе про письмо. Меня поздравляли, и я ходил как именишник.

ЗАМАНЧИВЫЕ БУКВЫ

Кто бы мог подумать, что здесь, на юге, так холодно. Рано утром выскочил в магазин, а на улице снег, лужи покрыты льдом, ветер порывистый, промозглый. Отстоял очередь в магазин, заledenел, заскочил домой и сразу к печке. Хорошо, пока есть чем топить. Несколько дней с пацанами ходил по улицам кишлака и собирал кизяк (помет скота), набрал целый мешок. Теперь вместе с хворостом на неделю хватит. Правда запах стоит соответствующий.

– Перед уходом в школу обязательно проветривай комнату и не закрывай заслонку, – предупредила мама.

Вот иду в школу и думаю, как там справляются малыши? Целыми днями они сидят, как заключенные. Из дома не выйдешь – холодно, одеты они по-летнему, на ногах сандалии. Хотя мама нам сшила ватные безрукавки, все равно холодно, особенно когда остывает печка. Каждое утро они остаются одни, из игрушек только кукла Маша, которую Тамара захватила дома, когда мы садились в вагон.

«А что если попробовать научить читать?» – мелькнула мысль. На перемене я спросил Юлдуз:

– У тебя, случайно, нет букваря?

– Тебе для чего? – поинтересовалась она.

– Хочу Томку учить грамоте, – признался я.

– А можно я тоже буду учить? Я уже во втором классе, – затараторила Юлдуз.

– Приходи, – согласился я.

После обеда с букварем явилась Юлдуз. Она была глубоко озабочена, как настоящая учительница, терпеливо и настойчиво повторяла и называла буквы. Тамара быстро схватывала суть, запоминала, а когда прочитала слово «мама», захлопала в ладошки и закричала:

– Я сама читаю!

А братишка не понимал, зачем нужно учить буквы, если каждый день разговариваешь словами, где есть эти буквы. Юлдуз горячилась, пробовала его убедить, а я снисходительно смотрел на него, – ведь ему только будет три года. Но Юлдуз продолжала называть буквы и складывать слова, а я смотрел на нее и вдруг вспомнил, как сам познакомился с буквами.

Это было в девятьсот тридцать седьмом году. Мне шел седьмой год. Наш дом находился недалеко от вокзала, минут десять ходьбы. Я со старшими пацанами часто приходил на вокзал. На перроне останавливались поезда разных направлений. По радио объявлялись города Москва, Ленинград, Киев, Минск, Харьков и другие. Через станцию следовали пассажирские составы за границу. Мы с интересом наблюдали прибытие и отправление по-

ездов, торопливую суету пассажиров во время посадки, порывистые слова прощания и громкие крики грузчиков:

– Берегись, посторонись!

Однажды мальчишки раздобыли отвертки и стали отворачивать с вагона красивые серебряные буквы. В это время на перроне стоял поезд Берлин – Москва. Нас троих поймали милиционеры, долго выясняли имена, фамилии, дали по шее и выгнали. А поздно ночью раздался стук в нашу дверь и чей-то голос громко произнес:

– Азов? Собирайся, вражина! Отца арестовали, три недели держали в тюрьме, били, заставляли подписать бумагу, что он сам специально подговорил детей откручивать буквы со спального вагона, где ехала немецкая делегация, и тем самым хотел сорвать договор о дружбе между Советским Союзом и Германией. Я отчетливо вспомнил тот день, когда отец вернулся из тюрьмы, всклокоченный и небритый, снял ремень и гонялся за мною вокруг стола, как меня защищала мать, как мы потом втроем стояли, обнявшись, и плакали, а Тамара, еще совсем маленькая, держалась за спинку кровати, удивленно смотрела и не понимала, почему плачут.

Потом наши мальчишки мне показали и объяснили, что такое «воронок», рассказали про таинственные ночные рейды, иногда

называя знакомые фамилии отцов, кто становился очередной жертвой. А дома, поздними вечерами, отец долго шептался с мамой и слышались обрывками слова:

– Враг, вредитель, не может быть!

А когда на следующий год арестовали дядю Федю, его жена, тетя Шура, ходила по соседям и убеждала:

– Ну какой же он враг? Он только сказал, что не верит, что командарм Уборевич – предатель. Так неужели за эти слова он заслужил десять лет лагерей? Но никто не смог помочь тете Шуре. Как она там живет одна в городе, занятом врагом?

Поздно вечером, когда мама, уставшая, ужинала, я напомнил ей про случай с буквами, про черного «воронка», про аресты, и мама взяла с меня честное слово, что я ни с кем не буду об этом говорить. Мы еще долго вспоминали про папу, про то, как мы ехали на поезде в Чернигов, к папинуму брату в гости, как мы на пароходе плыли в Киев, как отдыхали в Ченках.

Уже догорала вторая свеча, уже запели свою заунывную песню шакалы, ночью обступавшие кишлак, а мы с мамой, обнявшись, смотрели на спящих малышей и долго еще говорили про отца, желая ему живым и здоровым вернуться домой.

ВРАГ РЯДОМ

– Завтра пойдем за дровами, – предложил Мусук.

– Хорошо, – ответил я, и мы разошлись по домам.

Утром, когда я проснулся, мамы уже не было дома. Ни одного свободного дня, даже в воскресенье. Стоп! Ведь мы сегодня договорились заготавливать дрова. Я быстро накормил сестренку и братишку, зашел за Мусуком, и мы дружно отправились в горы. Мусук шел, помахивая топором, а я нес через плечо две связки веревок.

– Плохо, что в кишлаке нет ни радио, ни электричества, – досадно произнес я.

– Расскажи, что это такое? – попросил Мусук.

Я вспомнил, как нам проводили радио, про круглую черную тарелку, которая целый день говорит, поет, передает музыку, про электрическую лампочку, которая загорается, когда щелкнешь выключателем, и которая светит ярче подюжины свечей. Мусук внимательно слушал и сокрушался, что этого нет в кишлаке.

Когда мы подошли к подножью гор, Мусук предложил:

– Давай поднимемся повыше. По мере того как мы взбирались по склону, все шире открывалось пространство, все ярче становилось вокруг,

все чище, отчетливей разносились звуки. Казалось, и земля, и горы, и голубые небеса охвачены волшебными нотами, и воздушное эхо разносит их, возвращаясь и перекатываясь через скалы, затихая вдали. Мы стояли очарованные красотой гор и огромным, бесконечным простором.

Однако нужно было спускаться и браться за дело. Мы увлеклись и нарубили много сухостоя карагача и саксаула, связали веревками и только тогда обнаружили, что все это мы не донесем. Тогда я предложил изготовить что-то наподобие саней и тащить волоком. Мы соорудили полозья, крепко связали веревками, запряглись и двинулись в путь.

Уставшие и потные, остановились около дома, где жил Мусук. На улице стояла большая толпа людей. Мусук отцепился и бросился вперед. Оказалось, что пришла похоронка на старшего брата, который погиб под Харьковом. Я пробрался в дом. Родственники и соседи плакали и успокаивали его мать и сестру Юлдуз. А Мусук прижался к матери и негромко всхлипывал. На столе в черной рамке стояла фотография брата в красноармейской форме. Я обнял Мусука за плечи, сказал несколько сочувственных слов и потихоньку вышел. Часть хвороста перегрузил к ним в сарай, положил топор, а остальное потащил домой.

По кишлаку поползли слухи, что Красная Армия отступает, что немец под Москвой. Все

больше замечаешь, как собираются люди по три-четыре человека, о чем-то шепчутся и сразу замолкают, как только приближаешься к ним. Некоторые стали косо смотреть на нас, беженцев. Как-то я заговорил об этом с Мусуком.

– Знаешь ли ты, – спросил он, – что муж вашей хозяйки, тетушки Ширин, был басмачом и сидит в тюрьме? В двадцатые-тридцатые годы каждый пятый был басмачом, а когда создавали колхоз, они подожгли собранный хлопок и убили председателя. Надо переговорить с Рустамом, его отец работает в милиции.

Рустам выслушал наши подозрения и спросил:

– А где факты?

Это мой отец всегда говорит – главное факты, надо проявлять бдительность.

Однажды, когда я возвращался из школы, навстречу попался тот самый пожилой узбек, который сопровождал нас от станции до кишлака. Он шел быстро, осторожно оглядываясь по сторонам, и даже вздрогнул от моего голоса:

– Здравствуйте, дядя Керим! – а когда я напомнил, как он привел нас сюда, заулыбался и сказал свое привычное: «Хоп!» (что значит – хорошо). Оказывается, он шел к нашей хозяйке. Мы вместе вошли во двор, и он скрылся в доме тетушки Ширин. Прошло несколько дней. Я обратил внимание, что дядя Керим

по-прежнему живет у хозяйки и выходит из дома только по нужде.

Как-то вечером тетушка Ширин позвала в гости маму и меня. Она усадила нас за стол, поставила перед собой тарелку оладий, большой чайник, пиалы. Наполнила их одну за другой, достала кусок литого сахара, блестящими щипчиками отколола несколько кусочков и положила на блюдечко.

– Угощайтесь, гости дорогие, – произнесла она и стала медленно пить чай вприкуску, поглядывая на меня.

– Зина, – обратилась она к матери, – вот я смотрю, какие у тебя хорошие детки. А старший твой, Борис, старательный мальчишка, и в школе учиться хорошо, и в магазин ходит, и смотрит за младшими. Со всеми здоровается, помогает.

Мама приятно заулыбалась, а я насторожился. Тетушка Ширин продолжала:

– Недаром говорят, у кого душа открыта, тому и путь открыт. Вот я смотрю, как вам тяжело жить, и думаю, как вам помочь?

Она снова наполнила бокалы:

– У меня остановился друг моего мужа, Керим, вы его знаете. Он сейчас приболел и хотел попросить, чтобы ты, Борис, выполнил несколько поручений. Мои ноги уже плохо ходят. А за каждое выполненное поручение он готов заплатить. И ему хорошо, и вам помощь.

Я пожал плечами, а мама сказала:

– Я не против, только не в ущерб учебе.

– Ну и хорошо, – обрадовалась тетушка Ширин и встала нас провожать.

На следующий день, после школы, хозяйка позвала меня к дяде Кериму. Он дал мне вчетверо сложенную записку, назвал адрес и попросил отнести. По дороге почему-то в памяти моей возникал его напряженный взгляд и желтые, как у кошки, глаза. Любопытство мучило меня, я развернул записку, а на ней какие-то непонятные буквы. На окраине кишлака еле отыскал нужную хижину и постучал в окно. Выбежала молодая женщина, схватила записку, велела ждать и скрылась за калиткой. Через некоторое время она вышла, вручила мне корзину, перевязанную сверху платком, и сказала:

– Передашь.

Корзина оказалась достаточно тяжелая, мне пришлось несколько раз отдыхать по дороге. Когда я ее принес, дядя Керим внимательно осмотрел со всех сторон, потрогал узелки на платке, сказал свое «Хоп!» и дал мне пятьдесят рублей.

В школе я рассказал обо всем Мусуку и Рустаму. Мусук стал горячиться:

– Почему ты не посмотрел, что лежит в корзине?

А Рустам, наоборот, подумал и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете прочитать в Оренбургской областной полиэтнической детской библиотеке по адресу: ул.Терешковой 25;
тел. для справок: (3532) 77-51-01